

В. Н. Скалон. *Русские землепроходцы XVII века в Сибири*. Под редакцией М. А. Сергеева. Изд. Московского общества испытателей природы. Историческая серия, № 44, М., 1951.

Рецензируемая книга является ценным вкладом в литературу, посвященную истории отечественной науки. Главная задача, которую поставил перед собой автор,— это восстановить приоритет русских исследований Сибири. «Под влиянием авторитетов далекого прошлого,— пишет В. Н. Скалон,— некоторые современные авторы повторяют утверждения, будто начало исследования Сибири есть дело рук иностранных ученых. Чрезмерно преувеличивая действительно значительные заслуги иностранцев на этом поприще и извращая историческую перспективу, совершенно забывают об истинных зачинателях изучения этой страны — простых русских землепроходцах».

Автор справедливо указывает, что в распространении превратных понятий в этом отношении большую роль играли иностранные ученые, которые не только преуменьшали размах и значение ранних русских исследований в Сибири, но пытались еще оклеветать наших землепроходцев, объясняя их деятельность жадной к наживе, авантюристическими наклонностями и т. п. В. Н. Скалон дает уничтожающий отпор подобным злобным измышлениям и фактами подтверждает правильность характеристики исследовательской деятельности русских землепроходцев, данной историком А. П. Шаповым, который писал: «Если бы не было этих предварительных географических открытий в Сибири и на Ледовитом океане, то не было бы может быть и всех этих знаменитых ученых экспедиций XVIII в.»¹

Книга В. Н. Скалона представляет собой сводку большого документального исторического материала, который доказывает приоритет русских исследований в Сибири в самых различных областях знания. Это показано на географических открытиях и описаниях того времени, подкрепленных хорошо составленными чертежами и картами. Об этом же говорит глава о мореходах. В главе «Рудознатцы» неопровержимо доказано, что русские люди еще в первой половине XVII в., т. е. задолго до изысканий грека Левандиаса, посланного Петром I в 1696—1699 гг. в Томское воеводство для разработки железных руд, хорошо знали о месторождениях железа под Томском, Кузнецком и даже в Якутии. Они не только разведали эти месторождения, но и вели их разработки. Среди рудознатцев были настоящие геологи, знания и методика которых стояли на высоком для того времени научном уровне. Автор показывает, что русские начали проводить геологические изыскания в Сибири почти за сто лет до появления там с этими целями иностранцев. Размах и глубина этих геологических изысканий, как свидетельствуют приводимые автором материалы, совершенно исключают нелепые предположения о том, что они возникали случайно, в порядке беспредметной любознательности. Иностранцы позднее лишь использовали готовые материалы, собранные их скромными, но хорошо осведомленными в геологическом деле русскими предшественниками.

Неопровержима по своей убедительности и документальности и глава о помысах, в которой утверждается приоритет русских исследований флоры Сибири. Автор показал полную несостоятельность мнения о том, что основателем сибирской ботаники был Мессершмидт, посланный Петром I в Сибирь в 1718 г. Исторические документы, приведенные В. Н. Скалоном, показывают, что ботанические исследования в Сибири начались с 1630 г. экспедицией из Москвы под руководством Ивашки Федорова. Эта экспедиция проводила изучение и сбор лекарственных растений.

Приоритет русских исследований доказан и в области зоологии. Материал, сосредоточенный в главах «Ведомцы рыбьего зуба», «Знатоки пернатых», «Рыбоведы», «Жемчужники», свидетельствует о широких для своего времени познаниях русских землепроходцев. Например, сообщаемые в этих документах сведения по орнитологии дают более полное представление о птицах Сибири, чем материал, приведенный в труде К. Линнея «*Sistema naturae*», изданном в 1758 г. Русские люди XVII в. хорошо знали вредителей хлебных растений — хлебную ржавчину, «червей», т. е. гусениц, бабочек и т. д., в то время как, например, в Германии даже и в XVIII в. появление червей и насекомых, вредивших посевам, продолжали объяснять «кознями дьявола», с чем были согласны и многие немецкие «ученые».

Наконец, приоритет русских исследований хорошо доказан в главе «Народоведы». Автор приводит много материала, показывающего, что русские землепроходцы глубоко интересовались происхождением, языком, культурой и бытом различных сибирских племен и народностей. Сведения по этнографии и экономике местного населения землепроходцы собирали, записывали и сообщали в Москву. Их данные распробного характера и непосредственные наблюдения являются ценным источником и для современного исследователя.

В этой главе, так же как и в главах «Пушнина», «Заботы об охотничьем хозяйстве», «Градостроители», «Дорожники», «Носители культуры», автор раскрыл большую положительную роль русского народа в открытии и освоении огромной Сибирской территории.

¹ А. П. Шапов, Историко-географические и этнографические заметки о Сибири, «Изв. Сибирск. отд. РГО», т. IV, № 2, 1873, стр. 70.

Материал, приведенный в книге, свидетельствует о том, что русский народ оказал огромное положительное влияние на экономику, культуру и быт племен и народностей Сибири.

В главе «Хлеборобы» автор опровергает представление о том, что русское народное хозяйство в Сибири в XVII в. основывалось лишь на соболином промысле, да еще хищническом. В. Н. Скалон вслед за некоторыми другими авторами (В. И. Шунков, В. Н. Шерстобоев и др.) показал, что русский народ принес в Сибирь высокопроизводительное для того времени плужное земледелие и хорошо развил эту отрасль хозяйства вместе с сопутствующим ей стойловым животноводством. Материалы, приведенные В. Н. Скалоном, убеждают в том, что развитию земледелия в Сибири придавалось государственное значение, что внедрение его сопровождалось экономическими и агрономическими обследованиями, изысканиями и опытами. В этом нельзя не видеть глубоко прогрессивного значения деятельности русского народа на огромных пространствах Сибири как для всего Русского государства в целом, так в особенности для экономики и культуры различных племен и народностей Сибири.

Новые факты, приведенные исследователем в главах «Пушнина» и «Заботы об охотничьем хозяйстве», опровергают неверное представление о хищническом характере пушного промысла русского населения в Сибири. Документы свидетельствуют о том, что Русское государство в XVII в. принимало специальные меры для сохранения и размножения пушных богатств Сибири. Вместе с тем русский народ принес в Сибирь и более усовершенствованные и производительные способы и приемы лова, орудия охоты на зверя, которыми стали пользоваться и местные племена и народности.

О прогрессивной культурной роли русского народа в Сибири говорит и материал, изложенный в главе «Градостроители», в которой приведены интересные данные о строительстве русским народом городских экономических и культурных центров Сибири, начавшемся по крайней мере лет за сто до появления отрядов Ермака. В XVII в. строительство городов в Сибири развивалось особенно интенсивно. Автор отмечает тщательность и продуманность выбора места для строительства городов на обширных просторах Сибири. Этот выбор оказался исторически оправданным.

Высококультурная роль русского народа четко выявлена в главе «Дорожники». Освоение широкой сети водных путей сообщения, прокладка сухопутных дорог для гужевого транспорта — все это имело большое значение для более интенсивного и прочного освоения больших незаселенных территорий Сибири как русским народом, так и сибирскими племенами и народностями, жившими до этого замкнутой изолированной жизнью.

Наряду с положительными сторонами необходимо отметить и недостатки книги. Наиболее существенным пробелом является недостаточно полное освещение вопроса об общем культурном уровне русских землепроходцев XVII в. В. Н. Скалон объясняет это тем, что якобы в его распоряжении было очень мало данных для суждения об этом предмете (стр. 180). С этим согласиться, конечно, нельзя. Этот ошибочный взгляд возник у автора, видимо, потому, что он, как это можно судить по главе «Носители культуры», сводит понятие культурного уровня только к грамотности и некоторым медицинским представлениям. Такое узкое толкование данного понятия связало руки автору и помешало ему надлежащим образом опровергнуть ложное мнение о том, что «наши предки в Сибири отличались низким уровнем, были безграмотны и т. п.». Такое искаженное представление о культурном уровне русских в Сибири в XVII в. сочинили и усиленно распространяли кичливые и высокомерные иностранцы, приезжавшие в Россию делать карьеру. Они нагло приписывали себе честь научных открытий в Сибири и выдавали за свои материалы, собранные русскими людьми по самым различным отраслям знания. Вслед за иностранными клевветниками ложь о низком культурном уровне русских землепроходцев подхватили и некоторые из наших не в меру угодливых и низкопоклонствующих перед иностранцами соотечественников.

Разоблачить эту ложь и восстановить истину является долгом советских ученых. В. Н. Скалон в своей книге представил богатый материал на эту тему, но он недооценил его значения в этом отношении. В самом деле, разве можно сомневаться в высоком культурном уровне русских людей XVII в., которые сделали важные географические открытия, описали их и составили карты и чертежи. О высокой культуре русских землепроходцев XVII в. говорит и разносторонность их интересов. Они разведывали руды и минералы, изучали с определенными практическими целями флору и фауну Сибири, описывали быт, обычаи и нравы дотоле не известных племен и народностей Сибири. О распространении грамотности среди русских землепроходцев в XVII в. убедительно говорит хранящееся в архивах Москвы и сибирских городов огромное количество донесений промышленных и служилых людей из различных мест Сибири. Косвенным показателем распространения грамотности являются жалобы на нехватку бумаги. Такая жалоба имеется и в одной из «отписок» Семена Дежнева: «А государевых всяких дел писать не на чом, бумаги писчей нет», — писал он в 1655 г.

В. Н. Скалона следует упрекнуть за узость его общих выводов. В «Заключении», которому уделено три страницы, автор выдвигает два положения: 1) быстрое продвижение и освоение Сибири было связано с активностью русских землепроходцев; 2) накопление знаний о Сибири оказало большое влияние на западноевропейскую

и отечественную науку. По существу русские землепроходцы XVII в. в Сибири заложили основу успеха знаменитых академических экспедиций XVIII в.

Против этих справедливых положений, разумеется, нет никаких возражений. Но В. Н. Скалон связывает деятельность русских землепроходцев XVII в. преимущественно с «исследовательским духом русского человека». Он правильно подчеркивает многие черты русского национального характера, но забывает, что русские землепроходцы XVII в. в Сибири решали большую государственную задачу. Их деятельность была направлена на то, чтобы огромные, по большей части неосвоенные пространства Сибири поставить на службу интересам Русского государства.

Успешное освоение Сибири было обусловлено тем, что оно совершилось силами простых людей, среди которых было много крестьян, бежавших в Сибирь от угнетения и насилия крепостников-помещиков. Включение Сибири в состав Русского государства происходило, как правило, в мирных формах и совершалось небольшими группами простых русских людей, умевших расположить к себе местные сибирские племена и народности, завязать с ними экономические и культурные связи. Это важное обстоятельство подчеркнул В. Н. Скалон, который напомнил в этой связи интересное высказывание одного из иностранных авторов француза Ланойе. Отнюдь не расположенный к русскому народу, Ланойе, писавший о Сибири, заметил: «Когда русский мужик с волжских равнин располагается среди финских племен или татар Оби и Енисея, они не принимают его за завоевателя, но как единокровного брата, вернувшегося на землю отцов. Когда донской или украинский казак скачет на лошади перед воинственными пастухами Центральной Азии, они его принимают за своего и уступают ему место на своей земле. В этом секрет силы России на востоке» (стр. 152).

Легенда о том, что русские люди прошли через Сибирь с огнем и мечом, созданная буржуазными историками, должна быть решительно отброшена, ибо она противоречит действительности, историческим фактам и основана на сознательном вымысле. Эта легенда частично проникла и в работы некоторых советских историков. В. Н. Скалон почему-то обошел это молчанием. В отличие от западноевропейских колонизаторов, захватывавших большие территории именно как колонии, как источник наживы, сопровождавших этот захват фактическим истреблением местных племен и народностей, наши русские землепроходцы устанавливали мирные экономические отношения с сибирскими народностями и племенами, учили их более высоким и производительным способам и формам хозяйства, селились вперемежку с ними. Благотворное влияние русского народа, его помощь в развитии экономики, культуры и быта различных племен и народностей Сибири — важная историческая тема, которая еще ждет своего исследователя. В рецензируемой книге она нашла слабое отражение.

Наконец, еще об одном недостатке. В. Н. Скалон, рассматривая деятельность русских землепроходцев XVII в., ни разу не подчеркнул разницы в поведении простых русских людей и представителей эксплуататорского класса, царских воевод и их ближайших помощников, по отношению к ясачному населению. Он приводит, например, весьма интересный факт, характеризующий отношение к аманатам со стороны служилых людей. Они часто недоедали сами ради того, чтобы хорошо кормить аманатов, чтобы аманатам «оцынжав не помереть» (стр. 118). Такое высокочеловечное отношение к пленникам характерно именно для простых людей. Воеводы, напротив, плохо обращались с аманатами (да и не только с аманатами, а вообще с ясачным населением) и старались использовать их положение в своих корыстных целях.

В заключение необходимо отметить, что В. Н. Скалон допускает некоторую идеализацию землепроходцев, отсюда преувеличенная оценка отдельных сторон их деятельности. Так, например, говоря о руководителях кречатьего лова, он пишет: «В совершенстве была им известна породность соколов, они разбирались в ней детальнее современных орнитологов».

Несмотря на отмеченные недостатки, книга В. Н. Скалона представляет собой ценную историческую работу, материал которой прекрасно иллюстрирует ту характеристику, которую дал русскому народу великий Сталин, как народу, у которого «ясный ум, стойкий характер и терпение»².

Л. П. Потанов

² И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1950, стр. 196.